

Отдел тяжких преступлений, комната для допросов.

Лю Мэй сидела, низко опустив голову. На ее опухшее лицо приложили лекарство, но синяки и багровые пятна особенно отчетливо выделялись на свету, делая ее похожей на клоуна.

Фан Юаньхан наблюдал за ней через стол.

Этот допрос должен был состояться не здесь.

Несколько часов назад состояние Лю Мэй постепенно стабилизировалось после того, как ее срочно доставили в больницу. Смертельных травм на теле не было, Фан Юаньхан правильно понял, что ее повреждения в основном были вызваны поркой и пощечинами, предположительно, в результате сексуального насилия.

Врачи предложили госпитализировать Лю Мэй для наблюдения. Но когда Лю Мэй проснулась, она заплакала и отчаянно умоляла Фан Юаньхана отвезти ее в полицейский участок.

— Я не могу здесь оставаться, он убьет меня! Пожалуйста, посадите меня в тюрьму, подойдет любой полицейский участок! Арестуйте меня сейчас же, я лучше в тюрьму сяду!

— Я сделал, как ты просила, — сказал Фан Юаньхан в комнате для допросов. — Теперь ты в безопасности, но почему ты молчишь? Все еще хочешь укрыть того "золотого мастера", из-за которого исчезла Чжоу Си? Если я не ошибаюсь, эти раны на твоём теле тоже нанесены им, верно?

Лю Мэй подняла голову, из ее покрасневших глаз покатились слезы:

— Я скажу, скажу... на самом деле я давно ждала этого дня. Только попавшись вам, полицейским, я смогу вырваться из его лап.

Фан Юаньхан сейчас больше всего беспокоился о Чжоу Си, если она еще жива, то Лю Мэй должна знать, где она находится.

— Чжоу Си...

Однако, как только было произнесено это имя, у Лю Мэй слезы потекли еще сильнее.

— Она уже мертва.

Фан Юаньхан вздохнул.

Чжоу Си была мертва, и такой исход давно ожидался. Если человек пропал так надолго, не считая добровольного сильного желания скрыться, то, скорее всего, его уже не было в этом мире.

Однако, услышав от Лю Мэй подтверждение смерти Чжоу Си, Фан Юаньхан все равно почувствовал сожаление.

Лю Мэй захлебывалась рыданиями:

— Чжоу Си была избита до смерти Чу Каном, это я привезла ее к нему, я виновата... Изначально следующей погибшей должна была быть Ша Чунь, но я не ожидала, что с ней вдруг произойдет несчастный случай.

Чу Кан. Это имя было совершенно незнакомо сотрудникам Отдела по расследованию тяжких преступлений. Однако фамилия «Чу» была знакома всем, кто провел значительное количество времени в городе Донгье.

Это была фамилия некоторых из самых богатых и состоятельных людей во всем городе Донгье.

Xinghuan Entertainment, агентство, к которому принадлежала Лю Мэй, оказалось одним из предприятий, работающих под именем семьи Чу.

Но если Чу Кан действительно был сыном семьи Чу, то условия его жизни были слишком жалкими — район Байсюань Гуйюань сейчас похож на исхудавшего аристократа, лишённого былой славы и давно покинутого настоящим влиятельным классом, но Чу Кан превратил это место в уютный уголок для своих забав с Лю Мэй. Правда непонятно, это произошло потому, что он смотрит на Лю Мэй свысока или потому, что не может найти место получше?

— Кто такой Чу Кан? — спросил Фан Юаньхан. — Какие у вас отношения с ним?

— Вы знаете о Чу Линьсюне? — спросила Лю Мэй.

— Босс группы Чу, — подтвердил Фан Юаньхан. — Чу Кан — его...

Лю Мэй кивнула:

— Его внебрачный сын.

Людей всегда интересовала личная жизнь высших чиновников, а интрижки большого босса Чу была чрезвычайно популярны в городе Дунгье, и о них говорили практически все.

Фан Юаньхан не обращал особого внимания на эти вещи, но даже он слышал кое-что из этих сплетен.

Лю Мэй сбивчиво исповедовалась, и в комнате для допросов постоянно раздавались всхлипывания.

Лю Мэй никогда не получала особого образования. Когда ей было около семнадцати или восемнадцати, она пристрастилась к Интернету. Именно туда ее завлекли ее особые интересы. Она была самопровозглашенной мазохисткой и вступала в различные «онлайн-отношения» с мужчинами. Позже, когда «онлайн-отношений» стало недостаточно, чтобы удовлетворить ее, она перевела свои дела в оффлайн.

Именно тогда она встретила Чу Кана.

Первые несколько раз, когда они встречались, Чу Кан вел себя очень корректно, обращался с Лю Мэй нежно и приглашал ее приехать в город Донгье, обещая ей шикарную работу.

Лю Мэй родилась и выросла в небольшом уезде, ей не хватало элементарной рассудительности, и Чу Кан легко заставил ее покинуть родной город в возрасте 20 лет и приехать в город Донгье, чтобы присоединиться к нему.

И Чу Кан сдержал свое обещание. Он договорился, чтобы Лю Мэй работала в развлекательном агентстве его семьи.

Лю Мэй думала, что проживет остаток своей жизни, наслаждаясь богатством и комфортом. Она и представить себе не могла, что попадет в адскую жизнь, в которой нет ни прогресса, ни конца.

Уравновешенность и мягкий характер Чу Кана были фасадом. Его истинная природа была извращенным, сумасшедшим и безумным животным.

У Чу Линьсюня было четыре известных и уважаемых наследника мужского пола, а также бесчисленное множество других внебрачных детей, которых он воспитывал вне семьи.

Даже среди этих незаконнорожденных детей Чу Кан был тем, на кого Чу Линьсюнь обращал меньше всего внимания. Семья Чу всегда смотрела на Чу Кана свысока. Его это было огромным, но у него также был сильный комплекс неполноценности. И все ненавистные чувства, которые он подавлял, вылились на Лю Мэй.

Лю Мэй на самом деле не наслаждалась болью. Ее заинтересованность БДСМ была вызвана только любопытством и невежеством молодежи. Когда Чу Кан относился к ней ласково, она предполагала, что это ждет ее и в будущем. Только когда начались жестокие избиения, она поняла, что ее одурачили.

Но к тому времени было уже слишком поздно.

В реальности Чу Кан не имел особого статуса в семье Чу, но он был более чем способен обмануть девушку из небольшого округа. Снаружи Лю Мэй жила изящной и красивой моделью, но рядом с Чу Каном она была не более чем собакой.

Однажды Лю Мэй пыталась покончить жизнь самоубийством, но после спасения была жестоко избита, и Чу Кан пригрозил, что убьет всю ее семью, если она снова не будет ему подчиняться.

Лю Мэй очень хорошо знала, какой властью обладает семья Чу. Она могла только ждать, пока Чу Кан устанет от нее и отпустит.

Но когда Чу Кан действительно устал от нее, она оказалась в еще более темной пропасти.

Чу Кана поразила волна «традиционной лихорадки». Он приказал Лю Мэй заманить и обмануть наивных, традиционных женщин, которые обладали классической красотой. И он пообещал, что освободит ее, как только она заманит десять таких женщин.

Если же Лю Мэй не сможет найти ни одной, то ей придется пережить еще более ужасные издевательства, чем раньше.

Лю Мэй прекрасно понимала, что если она поможет Чу Кану найти невинных женщин, то в будущем неизбежно окажется замешанной в этом деле.

Но если она этого не сделает, Чу Кан будет пытаться ее до смерти.

Лю Мэй не могла вынести эту пытку. Она начала ходить по университетским городкам, пытаясь найти женщин для Чу Кана, но безрезультатно.

В прошлом году стало появляться все больше и больше частных студий, предлагающих занятия традиционными искусствами, и у Лю Мэй сразу же возникла идея.

На этих семинарах должны были быть женщины, которые удовлетворили бы Чу Кана!

Чжоу Си была первой женщиной, которую Лю Мэй удалось обманом заставить пойти к Чу Кану.

Происхождение Чжоу Си было очень похоже на прошлое Лю Мэй. У нее не было формального образования, и она хотела денег. Она была не против продать свое тело незнакомцу за большую сумму.

Поскольку это был ее первый раз, когда она заманивала кого-то подобным образом, Лю Мэй не могла не испытывать опасения. Когда она привела Чжоу Си в то место, которое выбрал Чу Кан, Лю Мэй внезапно обрела совесть. Она не могла удержаться от предупреждения Чжоу Си, что у этого «спонсора» есть «такой» интерес.

Но Чжоу Си это больше не заботило.

Доставив человека, Лю Мэй ушла. Она твердила себе: Я не злодейка. Я тоже жертва. У меня нет выбора, я всего лишь бессильное насекомое. Если я не сделаю так, как говорит Чу Кан, он убьет меня и всю мою семью.

Через три дня Лю Мэй, снова вызванная Чу Каном, увидела труп Чжоу Си.

Прежде чистая классическая красавица была покрыта ранами, ее тело было ободрано и распухло, а лицо распухло настолько, что давно уже не было видно ее прежнего облика.

— Ты тоже замешан в этом, — Чу Кан встал рядом с трупом и горестно сказал: — Это ты привела ко мне эту невинную девушку, это ты ее убила!

Лю Мэй была невероятно потрясена и напугана. Она отчаянно замотала головой:

— Нет, это... это не имеет ко мне никакого отношения, я только...

— Я психически болен! — Чу Кан одной рукой симитировал форму пистолета и направил его себе на висок. Выражение его лица исказилось, а глаза страшно выпучились. — Доктор Ло может выписать мне заключение, даже полиция ничего не может со мной сделать, а что насчет тебя? Ты — нормальный человек, а уговариваешь невинных девушек лечь в постель душевнобольного, чтобы доставить мне удовольствие!

Лю Мэй не могла перестать качать головой.

— Нет, нет!

— Нет? — Чу Кан зловеще рассмеялся. — Разве ты не заметила, когда пришла сюда? Камеры наблюдения направлены прямо тебе в лицо!

Лю Мэй замерла, словно в нее ударила молния.

— Но как я могу причинить тебе вред? Моя маленькая собачка. — выражение лица и тон Чу Кана внезапно изменились, как будто другая душа теперь населяла его тело, добрая и милая.

Однако Лю Мэй уже давно испытала на себе «доброту» этого человека. Видя этот ласковый взгляд, она только еще больше испугалась.

— Пока ты слушаешь меня, я всегда буду защищать тебя, — сказал Чу Кан, улыбаясь. — Давай, продолжай. Продолжай находить мне таких женщин, как Чжоу Си. Она была восхитительна, мне это очень понравилось.

После Чжоу Си Лю Мэй больше не смогла найти женщин, которые удовлетворяли бы условиям Чу Кана. У нее не было выбора, кроме как снова и снова терпеть насилие Чу Кана.

В конце концов Чу Кан поставил ей ультиматум. Если она в ближайшее время не сможет найти ему другую подходящую «добычу», он удовлетворил себя, изнасиловав ее до смерти.

В августе того же года Лю Мэй нацелилась на Ша Чунь в Цзяньцзя Байлу. Она неоднократно пыталась заставить Ша Чунь пойти с ней. Как только Лю Мэй подумала, что успех близок, Ша Чунь внезапно умерла.

Узнав о смерти Ша Чунь, первой реакцией Лю Мэй была мысль, что Чу Кан, должно быть, первым добрался до нее.

Потому что всего за несколько дней до ее смерти Лю Мэй показала Чу Кану видео, на котором Ша Чунь играет на гучжэне. Чу Кан был очень доволен. Он сказал, что если Лю Мэй сможет привести к нему Ша Чунь, он засчитает ее сразу за троих девушек.

— Клянусь, все, что я говорю, правда. У меня есть записи моего общения с Чу Каном, — настаивала Лю Мэй, вытирая слезы. Ее лицо все еще было опухшим до такой степени, что она выглядела жалкой и почти болезненно смешной, независимо от того, какое выражение она изображала. — Мне так жаль Чжоу Си, я возьму на себя ответственность за ее смерть! Я...

Внезапно Лю Мэй уронила голову на руки и закрыла лицо, казалось, не в силах больше ничего сказать.

— Что ты хочешь? — подбодрил ее Фан Юаньхан.

Дрожащим голосом Лю Мэй продолжила:

— Я просто хочу, что бы вы привлекли Чу Кана к ответственности. Пожалуйста. Вы можете это сделать?

Казалось, в этой мольбе была бесконечная печаль и отчаяние.

В тот момент только безнадежные предположения заполнили разум Лю Мэй — она могла

только представить, как семья Чу использует свои деньги, чтобы все скрыть. Чу Кан останется свободным, и ее возьмут в качестве козла отпущения. Ее семью будет мучить Чу Кан. Пока самые мерзкие существа будут на свободе, она, как сообщница Чу Кана, будет брошена в ад вместо него.

Фан Юаньхан встал, демонстрируя холодный и грозный вид:

— Вы слишком плохо думаете о себе, и совсем ничего не знаете о полиции. В ваших глазах любой, у кого есть деньги, может буйствовать в обществе без каких-либо последствий?

Лю Мэй ошеломленно подняла голову.

— Разве это не так?

— Конечно нет! — огрызнулся Фан Юаньхан.

Лю Мэй на мгновение замолчала и вдруг безумно рассмеялась, смех был до крайности странным и болезненным:

— Значит, если бы я позвонила в полицию раньше, разве я попала бы в такую ситуацию?

Видеозапись ее допроса была отправлена прямо в офис Сяо Юаня. Говорила ли Лю Мэй правду или притворялась, все еще требовалось расследование. Сяо Юань просмотрел видео, остановившись в какой-то момент и пробормотав про себя:

— Доктор Ло? Ло И?

Район Дунчэн, торговый центр "Чунчао".

Магазин чая с молоком "Хуа Жун", известный в Интернете, открылся. Длинная змеевидная очередь молодых посетителей вытекала из дверей. Молодые женщины, работавшие в "Хуа Жун", ходили вверх и вниз по очереди, предлагая продегустировать фирменные напитки магазина людям в очереди.

Большинство молодых женщин были миниатюрными и проворными, они легко ныряли и лавировали между людьми в толпе. Однако У Тун была на голову выше большинства своих коллег да еще и в туфлях на высоких каблучках. Хотя ее улыбка была милой и красивой, она была намного медленнее, чем все остальные.

Внезапно из толпы раздался крик. У Тун каким-то образом ухитрилась выронить поднос из рук, пролив последний бумажный стаканчик чая с молоком на обувь покупателя.

Пятно было не слишком заметно, а покупательница была в кожаной обуви; беспорядок можно было легко вытереть бумажным полотенцем. Но это было популярное место, и такая неуклюжая, взбалмошная девушка была пятном на репутации любого известного магазина.

После такой ошибки было почти гарантировано, что У Тун будет уволена. Другие девушки, работавшие в магазине, сгрудились в сторонке и наблюдали за ней, некоторые сочувствовали, некоторые злорадствовали.

Клиентка, у которой испачкались туфли, была девушкой лет двадцати, и, увидев, что У Тун на грани слез, она поспешно сказала:

— Все в порядке, все в порядке.

У Тун хотела нагнуться, чтобы вытереть ей туфли, но девушка сама поспешно взяла бумажные полотенца и нагнулась, чтобы вытереть свою обувь.

Услышав шум, менеджер магазина выбежал и поспешно извинился перед покупателем. У Тун стояла в стороне, жалобно вытирая слезы на глазах.

Управляющий магазина посмотрел на У Тун и велел ей немедленно вернуться в магазин и помочь с приготовлением чая за прилавком.

У Тун поклонилась покупателю и побежала со всех ног, при этом ее спина выглядела невинной и безобидной.

— Ее не уволят? — спросила другая девушка. — Это не первый раз, когда У Тун ведет себя неуклюже, и сегодня она даже испачкала обувь клиента. Но ее до сих пор не уволили? О чем думает брат Ван?

— Брат Ван — сострадательный человек, и он воспринимает У Тун просто как красивую, но глупую и наивную девушку, — сказала другая девушка. — Из-за внешности и характера У Тун людям очень легко ее жалеть. Она такая простая, и когда она смотрит на тебя этими большими наивными глазами... ах, забудь, даже я не могу заставить себя рассердиться на нее.

— Но она идиотка!

— Глупых людей много, а милых мало.

— Это все, что ей нужно, чтобы выжить?

— Забудь, забудь. Если брат Ван хочет оставить ее, то мы ничего не можем сделать. Давайте прекратим ненужные сплетни, а то другие скажут, что мы завидуем. Она выглядит такой милой и невинной, но мы-то нет. Если что-то случится, именно нас будут считать плохими парнями.

После того, как У Тун была отправлена за прилавок, чтобы помочь с напитками, она по сути, ничего не делала, а потом ее позвали раздавать листовки. Ее милый и невинный взгляд очаровал многих молодых людей, и они присоединились к длинной очереди возле магазина.

В тот же день, когда ее смена закончилась, У Тун переделась в свою одежду. Прежде чем она вышла за дверь магазина, она услышала, как кто-то зовет ее по имени.

— У Тун.

Это был Минг Шу с розово-красной чашкой клубнично-персикового чая.

В тот момент, когда она увидела Минг Шу, выражение лица У Тун мгновенно напряглось.

С того момента, как утром началась ее смена, и до этого момента на лице У Тун было несколько глупое, но милое выражение. Когда она улыбалась, люди не могли не вздыхать и обожать ее. Когда она принимала обиженный вид, люди не могли заставить себя ни в чем ее обвинить.

Но когда ее глаза встретились с глазами Минг Шу, это глупое выражение на ее лице мгновенно исчезло, а в глазах У Тун появилось искреннее потрясение.

Это тонкое изменение в ее выражении не ускользнуло от внимания Минг Шу.

— Ты сейчас здесь работаешь? — спросил Минг Шу, подойдя к У Тун и слегка улыбнувшись.

— Ах... ты здесь, чтобы увидеть меня? — глаза У Тун были широко открыты, а ее зрачки были яркими и чистыми.

Люди часто говорили, что глаза — зеркало души.

Но глаза не обязательно отражали душу — если вы хорошо играли.

В таких малых предприятиях, как Цзяньцзя Байлу, набор персонала редко проходит формально. Когда дело дошло до учителей, Ши Ханьшань по-прежнему лично встречалась с ними, чтобы убедиться, что они подходят для своих ролей. Но когда дело дошло до небольших должностей, таких как работа в приемной, подойдет любой, лишь бы он был хорош собой.

Сама Ши Ханьшань уже забыла, как там начала работать У Тун. Только после того, как ее спросили об этом, она вспомнила, что У Тун была дальней родственницей Лян Лу, одного из других инвесторов.

Хотя по имени они были дальними родственниками, Лян Лу на самом деле мало что знал о У Тун.

— Их семья живет в маленьком округе, мы не общались с ними много лет, — объяснил Лян Лу, когда его спросили. — После китайского Нового года в этом году моя мама позвонила мне и сказала, что эта младшая сестра собирается приехать в город Донгье. Она попросила меня помочь девочке найти работу, если мне это будет нетрудно. Поскольку мы семья, с моей стороны было бы нехорошо вообще ничем не помочь. У Тун была еще в начальной школе, когда я видел ее в последний раз, поэтому у меня больше не было никакого впечатления о ней. Но когда я увидел, что она превратилась в симпатичную молодую женщину, я подумал, что она будет отличной секретаршей в бизнесе, который мы с Ханьшань планировали открыть. Однако за нее отвечала Ханьшань. Я всего лишь инвестор, я не участвую в повседневных операциях бизнеса.

Ши Ханьшань предложила У Тун зарплату в три тысячи юаней, что было не мало для секретаря, но и не достаточно много.

Уровень потребления в городе Донгье высокий, аренда недешевая, так что У Тун и еще две девушки, парикмахер и заместительница директора маникюрного салона, совместно снимают жилье в старом районе. Когда она потеряла работу в Цзяньцзя Байлу, У Тун получила компенсацию и быстро нашла работу в магазине молочного чая, полагаясь на свой наивный темперамент и симпатичное лицо.

Минг Шу быстро обнаружил, что она вполне может быть «слепым пятном» в Цзяньцзя Байлу.

На предварительных этапах расследования рабочая группа немного покопалась в истории У Тун. Но копали не очень глубоко. В то время никому не были ясны мотивы убийцы Ша Чунь, а У Тун выглядела настолько невинной и наивной, что казалась немного глупой. Никто бы и подумать не мог, что она может иметь какое-то отношение к смерти Ша Чунь.

Даже сейчас Минг Шу не мог представить, каковы могут быть ее мотивы.

Но это мгновенное изменение выражения лица У Тун вызвало у Минг Шу некоторые подозрения. Он задавался вопросом, не была ли ее наивная натура игрой.

— Вы еще не раскрыли дело? — спросила У Тун. — Но я ничего не знаю.

— Вы не возражаете, если я нанесу визит в ваш дом? — спросил Минг Шу.

— Ах! — Лицо У Тун внезапно покраснело. Она понизила голос до нежного шепота и сказала: — Но вы же мужчина...

Минг Шу сузил глаза, и выражение его лица стало более суровым:

— Когда дело доходит до расследований, пол не имеет значения.

У Тун показала шокированный взгляд и неохотно сказала:

— Тогда, тогда... ладно.

Арендванная У Тун квартира находилась очень близко к Цзяньцзя Байлу, всего в двух улицах от него. До него было всего пятнадцать минут пешком.

В старом здании не было лифта, а в коридорах было темновато. Когда Минг Шу следовал за У Тун по коридорам, он заметил некоторую ненормальность.

У Тун была болтливой девушкой, которая любила много говорить и много улыбаться. Именно так описали ее люди в Цзяньцзя Байлу, и именно такое впечатление она произвела на Минг Шу после того, как он впервые встретил ее во время своего расследования.

Но во время этой прогулки обратно в свою квартиру она редко брала на себя инициативу заговорить. Она, казалось, довольно часто отвлекалась, и ее улыбка также казалась немного натянутой.

Как будто ее застали врасплох, и она раздумывала, как реагировать.

Открывая дверь к себе домой, У Тун заколебалась.

— Что такое? — спросил Минг Шу.

У Тун поспешно покачала головой:

— Просто там немного не убрано. Сначала я переоденусь в спальне. Можешь подождать меня в гостиной?

— Ты переоденешься в пижаму, как только вернешься домой? — спросил Минг Шу.

— В пижаме удобнее, не так ли?

В этот момент дверь открылась, и изнутри слышались звуки ссоры, но если прислушаться, то оказывается это просто кто-то смотрит драму по мобильному телефону.

Мэн Сюэ встала с дивана и хотела поздороваться с У Тун, но, увидев Минг Шу, была так удивлена, что прикрыла рот рукой:

— Тунтун, это твой парень?

— Нет-нет! — У Тун быстро забежала в спальню слева от нее и сказала, закрывая дверь: — Просто посиди немного здесь, ладно?

Минг Шу не мог последовать за ней в ее комнату, поэтому вместо этого он оглядел гостиную.

Мэн Сюэ была соседкой по комнате, которая работала в маникюрном салоне. У нее был выходной, и она осталась дома. Их другая соседка по комнате, Ли Тяньюэ, работающая в парикмахерской, была на работе.

Вместо того чтобы присесть, Минг Шу зашагал к балкону.

Квартира представляла собой трехкомнатную квартиру с открытым балконом. На балконе не было растений; беспорядочные куски хлама были свалены повсюду.

Минг Шу присел на корточки в углу и провел пальцем по пятну на стене.

Это пятно... было похоже на брызги крови, брызнувшие снизу.

<http://bllate.org/book/14859/1321932>